

175. Протокольная запись беседы генерала де Голля с маршалом Сталиным в Кремле 6 декабря 1944 в 18 часов, составленная Роже Гарро и Морисом Дежаном

Присутствовали:

Генерал де Голль

г-н Бидо

г-н Гарро

г-н Дежан

маршал Сталин

г-н Молотов

г-н Богомолов

г-н Подзеров

Генерал де Голль. – Я просил у вас встречи сегодня. Мы хотели бы во время нашего пребывания в Москве решить с вами совокупность проблем сегодняшнего и завтрашнего дня. Мы хотели бы узнать ваше мнение и сообщить вам наше, если вам угодно.

Маршал Сталин. – Пожалуйста.

Генерал де Голль. – Мы передали вам проект договора, касающийся тех мер, что могли бы предпринять Франция и Советский Союз в целях общей безопасности по отношению к Германии. Мы это обсудим с вами. Но в связи с этим имеется ряд вопросов, которые необходимо прояснить между нами. Я позволю себе задать несколько конкретных вопросов. То, что я скажу, будет твердо и искренне.

Существует польский вопрос.

Я вернусь в достаточно далекое прошлое.

Маршал Сталин знает, что с давних пор и по различным причинам: цивилизация, религия, политика и т.д. – Франция и Польша были связаны общими взглядами.

Маршал Сталин. – Я это знаю.

Генерал де Голль. – В течение долгого времени Франция пыталась поддержать независимость Польши среди соседних ей стран. Ей это не удалось. Польша исчезла.

По окончании последней войны Франция хотела видеть Польшу, способную противостоять Германии. Такова была цель, которую преследовала Франция в своей политике, когда она содействовала восстановлению после 1918 независимого польского государства.

Мы знаем, каковы были последствия политики, проводимой Польшей между двумя войнами. Политика Бека – и людей, подобных ему, – вызвала наше крайнее неудовольствие и поставила нас с вами под угрозу.

Мы оцениваем как крайне опасное для мира и, в частности, для Советского Союза, продолжение Польшей такой политики по отношению к побежденной Германии. Мы знаем, что Германия всегда желала использовать в своих интересах подобную политику Польшу.

Маршал Сталин. – Германия хочет поглотить Польшу. Она всегда этого хотела.

Генерал де Голль. – До того, как поглотить ее, она всегда будет стараться ее использовать. Мы, французы, заинтересованы в том, чтобы были созданы такие условия, чтобы Германия не могла больше это повторить. Я подчеркиваю это, потому что это правда.

Мы совершенно не против того, что однажды сказал маршал Сталин касательно западных границ Польши. Мы считаем, что такое решение исключит всякую возможность договора между Германией и Польшей.

Маршал Сталин. – Вы правы.

Генерал де Голль. – Если одновременно расширение Польши на запад позволит найти решение в плане ее восточных границ, мы полностью согласимся с этим.

Маршал Сталин. – Восточная граница Польши была подтверждена Клемансо. Это была «линия Керзона».

Генерал де Голль. – У нас нет никаких возражений против «линии Керзона», если Польша будет компенсирована на западной границе.

Маршал Сталин. – Необходимо, чтобы она получила эти земли. Наша армия сделает для этого все, что требуется.

Генерал де Голль. – Однако мы считаем, что Польша должна остаться независимым государством, как, впрочем, это всегда подчеркивал маршал Сталин.

Маршал Сталин. – Конечно. По этому поводу нет никаких сомнений.

Генерал де Голль. – Мы знаем, что нынешняя ситуация внесла смуту в умы многих поляков. Мы не знаем точно, что польский народ будет думать после освобождения Красной армией. После определенных трудностей и волнений может возникнуть политическая ситуация, положительная с польской точки зрения и благоприятная для отношений Польши с Советским Союзом и Францией.

Я считаю необходимым сказать советскому правительству, что уже с этого момента, если у Франции будет случай и возможности воздействовать на польские умы, она будет действовать в этом направлении. Она сделает это, естественно, консультируясь с союзниками: Советским Союзом, Великобританией, Соединенными Штатами.

Как известно советскому правительству, мы имели с самого начала и сохраняем отношения с польским правительством в Лондоне. Они начались еще при Сикорском и

продолжаются сейчас. В остальном, поскольку поляки сейчас не хозяева на своей земле, у нас мало практических вопросов для урегулирования. Мы наблюдаем за развитием ситуации. Истинное положение откроется, когда польская земля будет освобождена. Я повторяю, что мы готовы оказать влияние на поляков, на всех поляков, с тем, чтобы содействовать их единению, принятию ими новых границ и искреннему дружественному отношению к Франции и Советскому Союзу.

Маршал Сталин. – Я понял.

Вы задали мне вопрос. Я тоже задам вам один. Могу ли спросить вас: что такое западный блок?

Генерал де Голль. – Могу ли я спросить вас, что вы под этим понимаете? О таком блоке речь шла. Мы, французы, – жители континента. Нас отталкивает перспектива того, что Европа может быть разорвана на множество кусков. Идея западного блока, или восточного, или южного, или северного, нам кажется пагубной. Таким образом, мы действительно считаем необходимым осуществлять определенные практические шаги вместе с людьми, заинтересованными в тех же практических мерах.

В целом, в Европе должен быть только один блок, блок людей, заинтересованных в том, чтобы не допустить нападения Германии. Поэтому первое соглашение, которое после освобождения Франции мы предложили одной из держав, то, которое мы предлагаем вам.

Таким образом, общеизвестно, что у нас есть ближайшие соседи: Бельгия, Голландия, Люксембург, Италия. С этими государствами у нас должна быть достигнута договоренность, потому что мы все существуем в непосредственной близости. Мы также должны будем по-соседски договориться с Великобританией.

Но во всем этом нет никакого блока, иначе говоря, группы государств, желающей отделиться от других, тем более действовать в ущерб им.

Маршал Сталин. – Извините, если я задал лишний вопрос и поставил вас в затруднительное положение. Но я помню заявление, сделанное г-ном Пьерло, согласно которому такой блок существует.

Генерал де Голль. – Что может значить это заявление?

Маршал Сталин. – Я не знаю. Я спросил вас. Я думал, вы это знаете.

Генерал де Голль. – Бельгия в прошлом то заключала с Великобританией или Францией, то расторгала договоры о ее защите. Такие договоренности не являются блоком. Может быть, если у Бельгии есть продукция для обмена с Францией или Великобританией, надо в таком случае заключить договоры. Но это тоже не будет являться блоком.

Маршал Сталин. – Я никого не обвиняю. Я знаю положение в Бельгии и во Франции. Конечно, Франция и Бельгия нуждаются в прочном союзе. Я тем более понимаю, что Франции будет необходим альянс с пограничными странами против возможной немецкой угрозы.

Генерал де Голль. – Во всяком случае, в том, что касается нас и чтобы завершить эти разговоры про блок, министр иностранных дел г-н Бидо недавно от имени правительства сделал категорическое заявление. Англия никогда не просила нас образовать с ней блок, мы тем более. Мы стремимся к созданию европейского блока Москва – Париж – Лондон в целях общей безопасности. Остальное же является лишь локальными договоренностями. В ходе истории существовал блок Германии и ее союзников, называемый Тройственным союзом, затем Осью, который может вновь образоваться. Другой блок – это англо-франко-советский блок.

Маршал Сталин. – Я это понимаю.

Генерал де Голль, помимо прочего, несколько секунд тому назад сказал, что в течение последних тридцати лет Польша два раза послужила коридором для немецкой армии во время нападения на Россию. Так не может продолжаться. Нужно закрыть этот коридор, и нужно, чтобы его закрыла сама Польша. Он не должен быть закрыт извне. Для этого нужна Польша сильная, независимая, демократическая. Государство не может быть сильным, если оно не демократическое. Мы заинтересованы в сильной Польше. Если Польша сильна, на нее больше не нападут.

Речь идет о резкой перемене, о большом повороте в нашей политике. До этой войны Польша и Россия жили в состоянии конфликта. Поляки несколько веков тому назад дважды занимали Москву. Русские, спустя двести лет, два раза занимали Варшаву. Это не могло не сказаться на польско-русских отношениях. Мы хотим с этим покончить. Последняя война послужила нам уроком. Польско-русская дружба является для Польши и для России лучшей гарантией против немецкой угрозы. На такую точку зрения встала Россия и лучшие представители Польши. Такова основа нашей новой польско-русской политики.

История показала нам, что Франция всегда была другом и защитником Польши и ее независимости. В этом заключалась разница в отношении Франции и других держав к Польше. Поляки это знают, они даже думают сейчас, что Франция займет относительно них более благоприятную позицию, чем Великобритания и Соединенные Штаты. Позвольте мне сказать, что я рассчитывал и продолжаю рассчитывать на это.

Англия связана с польским правительством в эмиграции теми же отношениями, что и с Михайловичем в Югославии. Сейчас ей трудно выйти из такого положения. В настоящий

момент Михайлович прячется в Каире, он не может больше вернуться в Югославию. Я боюсь, что то же произойдет с некими Жиро и Лавалем из эмигрантского правительства в Лондоне.

Политические деятели, укрывшиеся в Лондоне, играют в министров. Другая группа в Люблине делает работу. Они провели аграрную реформу, подобную той, что Франция осуществила в конце XVIII века и которая заложила основу французской мощи. Есть разница между этими двумя группами деятелей. Одна бесполезна, вторая полезна. Именно по этой причине советское правительство установило хорошие отношения с новой, возрождающейся Польшей, представляемой Польским комитетом национального освобождения. Я думал, что Франция лучше это поймет, чем Англия и Америка. Впрочем, я не сомневаюсь, что через какое-то время поймут и Великобритания, и Соединенные Штаты.

Генерал де Голль. – Есть ли у вас информация по действительному общественному мнению всего населения Польши?

Маршал Сталин. – Я слежу. Я наблюдаю.

Генерал де Голль. – Вы знаете лучше, чем кто-либо, что в Польше придется формировать правительство, которое не примет общественное мнение.

Маршал Сталин. – Я могу вам разъяснить, почему положение польского правительства в Лондоне ослабло.

Польское население видело, как приближается Красная армия, видела, как сражались польские части. Оно спрашивало себя: «Где польское правительство в Лондоне? Почему оно не в Польше, уже освобожденной или освобождающейся?»

Упадок правительства в Лондоне также совпал с поражением так называемого Варшавского восстания. Польский народ узнал, что это восстание было начато без договоренности с командованием Красной армии. Если бы спросили советское правительство, готово ли оно помочь этому мятежу, оно, конечно, ответило бы «нет». Наша армия только что выдвинулась на 690 километров – от Минска до Варшавы. Ее артиллерия, ее боеприпасы шли с баз, расположенных еще на 400 километров дальше в тылу. Наши войска не были готовы взять Варшаву. Их об этом не просили. Польский народ знает, что его бросили в опасную авантюру. Именно агенты эмигрантского правительства позволили Германии одержать верх в Варшаве.

Вмешался и третий фактор. Люблинский комитет предпринял аграрную реформу. Его представители становились жертвами покушений со стороны агентов правительства в Лондоне. Комитет взял земли поляков, находившихся в эмиграции или ушедших с немцами, и продал их крестьянам. Он предпринял то, что Франция осуществила сама в

конце XVIII века, создав таким образом себе авторитет демократической власти. Именно при таких условиях Люблинский польский комитет приобрел большую силу. Параллельно, по сведениям советского правительства, резко уменьшилось влияние польского правительства в Лондоне.

Генерал де Голль. – Я повторю то, что сказал вначале. Мы посмотрим после освобождения. Если Франция имеет влияние на поляков, она употребит его для объединения в дружбе с Францией и Советским Союзом.

Как и прочие правительства, французское имеет сношения с польским правительством в Лондоне. Если появятся основания изменить такое положение, она сделает это по договоренности с союзниками...

По поводу пункта, упомянутого маршалом Сталиным, я должен сделать замечание: существует большая разница между Лавалем и генералом Жиро. Последний, каковы бы ни были его настроения, никогда не сотрудничал с немцами, наоборот, он героически сражался с ними.

Маршал Сталин. – Я осведомлен об этой разнице. Я не хочу поставить их рядом.

Генерал де Голль. – А сейчас что думает маршал Сталин о положении на Балканах?

Маршал Сталин. – Немцев изгнали по мере возможности. Болгария приняла условия перемирия. Эти условия, конечно, будут выполнены. Независимость Болгарии не пострадает, но страна понесет заслуженное наказание.

Наши войска не продвинулись в Грецию, у них нет привычки продвигаться сразу во все стороны. В Греции есть британский флот и войска, у них нужно спрашивать, какое там положение...

Югославия была и останется независимой. Она должна стать федеративным государством.

Касательно Румынии г-н Молотов сделал заявление, которое остается в силе. Румыния будет наказана в соответствии с условиями перемирия, но останется независимой.

Я думаю, что в Венгрии будет сформировано новое национальное правительство. Союзники вели секретные переговоры о перемирии с Хорти. Вопрос о перемирии почти решен. Немцы узнали об этом, не знаю как, Хорти был арестован.

...Если в Венгрии будет создано демократическое правительство, мы поможем ей повернуть ситуацию против Германии.

Генерал де Голль. – Я благодарю маршала Сталина за данные мне пояснения.

Франция, освобожденная три месяца назад, понемногу восстанавливает свои силы и свое положение. Первым ее шагом был поворот к Москве с тем, чтобы прояснить ситуацию и предложить договор.

Что касается других государств, мы можем отметить, что Советский Союз подтверждает свое желание видеть их на пути к демократии и дружбе с Россией и с нами. Но для нас в основе демократического строя лежат выборы. По мере наших сил, мы требуем проведения таких выборов в странах, поработанных Германией и вновь обретших свободу. Порядок их проведения, по нашему мнению, должен быть решен с другими великими державами, и мы готовы присоединиться в этом вопросе к нашим союзникам, особенно к Советскому Союзу, когда наступит время.

Маршал Сталин. – Я считаю, однако, что мы могли бы договориться.

Мне сказали, что генерал де Голль был вынужден отказаться от поездки в полк «Нормандия» из-за плохой погоды. Он выразил пожелание, чтобы французские летчики приехали в Москву; они скоро здесь будут.

Генерал де Голль. – Благодарю вас.

Маршал Сталин. – Меня не за что благодарить, это не трудно.

Г-н Бидо коснулся вопроса о коллективной безопасности. Он подчеркнул, как настоятельно французское правительство стремится к созданию подобной системы безопасности.

Г-н Бидо. – В проекте договора, переданном французской стороной, учитывается необходимость организации, которую надо будет создать. Разумеется, что эта организация не будет никоим образом обусловлена действием договора. Мы стремимся к системе коллективной безопасности, но проект договора является безоговорочным.

Маршал Сталин. – Так обстоит дело с обеих сторон.

Г-н Бидо. – Коллективная организация никак не влияет на договор, который мы собираемся заключить.

Что касается самой безопасности, то в общих чертах позиция французского правительства следующая:

1. В соответствии с естественным порядком вещей, коллективная организация должна обеспечиваться и, в большой степени, управляться великими державами, несущими основное бремя политической и военной ответственности. Следовательно, мы полагаем, что в соответствии с реалистическим взглядом на вещи должно сохраняться единодушие великих держав, в частности в том, что касается собственных дел того или другого союзника.

2. Необходимо приобщить к коллективной организации в форме, которая будет определена позднее, совокупность стран, называемых малыми, – или, лучше, с меньшей ответственностью, – которые должны не противостоять организации, но информировать о

своих пожеланиях и интересах. По этому пункту существенного различия между Советским Союзом и нами нет.

Маршал Сталин. – Точно.

Генерал де Голль. – Как сказал министр иностранных дел, не стоит возвращаться к пленарным заседаниям Организации Объединенных Наций, где были представлены все малые нации и требовалось единогласное решение, чтобы предпринять что бы то ни было. Необходимо, чтобы вся совокупность участников руководилась, направлялась при согласованности великими державами, тех, кто предоставляет свои силы в распоряжение организации.

Г-н Бидо. – Помимо этого мы считаем, что в нынешней ситуации объединенные силы не должны состоять из лиц без гражданства, но из официальных национальных контингентов, предоставленных в распоряжение всей общности, взятых под ее ответственность и под ее командование.

Маршал Сталин. – По другому сделать невозможно.

Г-н Бидо. – Мы также желаем, чтобы международная организация была в состоянии взять на себя ответственность за поставку и распределение сырьевых материалов, а также за направление экономических связей.

Маршал Сталин. – Нужно, чтобы разделение ответственности и распределение сырья находились в руках беспристрастного международного органа. Это довольно сложно, но уже нужно начинать. В проекте, принятом в Думбартон-Оксе, предусмотрены военные и экономические обязанности. Все, что сказано г-ном Бидо, не выходит за рамки данного проекта.

Г-н Бидо. – Но важно, чтобы проект не остался на бумаге.

Маршал Сталин. – Позиция, определенная г-ном Бидо, близка к советской точке зрения, а также, я думаю, к позиции англичан.

Организация коллективной безопасности должна учитывать требования демократии и включать в себя Ассамблею, где были бы представлены малые державы. Именно от Ассамблеи орган управления должен получить свой мандат и полномочия.

Что касается других вопросов, нам представляется, что с ними все ясно.

По окончании переговоров г-н Молотов передал г-ну Бидо текст проекта франко-русского договора, предложенного советским правительством.

Голль Ш. де. Военные мемуары: Спасение 1944–1946. М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2004. С. 411–421.